

Быть с другими: экологическое видение жизненного пространства в работах А. Леопольда

© С.В. Рудановская

Российский университет дружбы народов, Москва, 117198, Россия

Предложено философское прочтение работ А. Леопольда, посвященных его личностным наблюдениям за природной средой в условиях индустриальной цивилизации. Поставлена цель выявить особенности и имплицитные предпосылки экологической позиции американского исследователя, используя экзистенциально-феноменологический понятийный аппарат (жизненный мир, отношение к другим, спутники, пограничная ситуация). Показано, что позиция А. Леопольда, его отношение к разнообразным формам биологического бытия определяется экзистенциальными поисками аутентичного существования, а также стратегией понимания других жизненных миров в рамках представления о плюралистической реальности.

Ключевые слова: абстрагирование от природы, жизненный мир, жизненное пространство, отношение к природе, экзистенциальный опыт, экологический наблюдатель, экосубъект, язык сочувствия

Жизненное пространство и проблема абстрагирования от природы. Жизненное пространство человека как социального существа изначально связано с созданием техник, позволяющих отвечать на вызовы природной среды, преобразовывать естественные ландшафты, сдерживать стихии, угрожающие существованию культуросферы. Ко второй половине XX в. техники производства благ цивилизации, необходимых для организации и обустройства социального пространства, начинают угрожать видовому разнообразию и структурообразующим компонентам биосферы. Вопрос «Что нам может сделать природа?» замещается вопросом «Что мы можем сделать природе?» [1, с. 270]. В экологическом мировоззрении этот вопрос сопряжен с представлением о природе как о сложной органической системе [2], теряющей способность к самовоспроизводству под воздействием новых технологий и массового общества, ориентированного на удовлетворение человеческих потребностей.

Риск исчезновения жизненного пространства усугубляется тем, что современный человек, имеющий в своем распоряжении арсенал технических средств и сферу услуг, больше, чем когда-либо в истории, склонен не замечать вызовов настоящего, жить в «одномерном» пространстве (Г. Маркузе), мире «операционной белизны» (Ж. Бодрийяр), «инструментальной рациональности» (Ю. Хабермас), утрачивая способность к комплексному пониманию вещей. Экологический

подход, складывающийся на протяжении XX в., поддерживает общий критический императив своего времени, а именно императив возвращения «к самим вещам», предполагающий отказ от предустановленных суждений и шаблонов в восприятии действительности. Только исток экологии — не обеспокоенность возможностями личностного познания и роста, но интерес к тому, что лежит за пределами сферы сугубо человеческих проблем и интересов. Изучая взаимодействие организмов между собой и с окружающей средой, экология видит возвращение к реальности как осознание общих условий существования человека и других биологических видов, общих ресурсов и зависимостей, о которых забывают, сфокусировавшись на «своем».

Деятельность и публикации Альдо Леопольда (в некоторых переводах Ольдо Леопольд) способствовали формированию экологического мировоззрения, пересмотру человеческих представлений о границах «своего» мира, требующего заботы и внимания. Фактически, А. Леопольд начинает мыслить экологически еще до того, как экология вырабатывает концепции, легитимирующие подобный стиль мышления [3, р. 20]. При этом его работа «Календарь песчаного графства» (1949), считающаяся классикой экологической литературы, не является ни философским трактатом, ни специализированным научным исследованием. Это сборник очерков, эссе, в которых наблюдения за явлениями природы становятся неотъемлемой частью существования наблюдателя, заинтересованного в познании, признании и сохранении сложного природного целого.

Позиция А. Леопольда — своеобразный способ возвращения к «самим вещам» через преодоление ряда заблуждений в структуре отношений человек — природа. Олицетворением подобных заблуждений является встречающийся в работах А. Леопольда образ «человека механизированного» (индифферентного к истокам своего бытия), которого можно сравнить с узниками пещеры в аллегории Платона. Люди, уверенные, что едой их «обеспечивают магазинные прилавки, а источник тепла — это котельная» [4], также ориентируются на иллюзорные данные повседневного опыта, как и узники пещеры. Однако заблуждения современных «узников» коренятся в антропоцентризме [5, с. 3–5], обусловлены «парадигмой человеческой исключительности» [6, с. 64], культивированием человеческих возможностей за счет нещадной эксплуатации биосферных ресурсов, лежащих в основании самих возможностей.

Автобус, спешащий по дорогам Иллинойса («По Иллинойсу на автобусе» [4]), — это, конечно, не пещера Платона. Но пассажиры автобуса, случайные попутчики А. Леопольда, бросающие отчужденный взгляд на мелькающие за окном пейзажи, имеют сходство с пленниками пещеры, поскольку не осознают присутствие реально-

сти, лежащей за пределами их непосредственных интересов: они «говорят, говорят, говорят. О чем? О бейсболе, налогах, зятях, о кинофильмах, машинах, похоронах. И ни слова о земляных волнах Иллинойса за окнами автобуса» [4]. Мобильность, возможность видеть многое, выбирать маршруты передвижения оборачивается той же инертностью и поверхностностью в восприятии реальности, о которой говорил древнегреческий мыслитель.

Проблема абстрагирования человека от природы не решается простым изменением местоположения (перемещением на лоно природы), расширением энциклопедических знаний или сентиментально-жалостливым отношением к живым существам. Упрощенно-стереотипное восприятие природного разнообразия в виде объекта инструментальной и эстетической деятельности, всецело подчиненного замыслам и интересам человека, нацеленного на удовольствия, — естественная компонента образа жизни в эпоху потребления.

В работах американского автора, усматривавшего риски потребительского отношения к окружающей среде еще до середины XX в., «человеку механизированному» противопоставляется человек понимающий — воплощение авторского видения действительности и неутилитарного отношения к природе. Именно понимающий взгляд высвечивает в естественной среде обитания жизненное пространство конкретных других, представителей флоры и фауны, распознавание которых становится одним из знаков преодоления человеческого абстрагирования/отчуждения от реальности.

Пространство наблюдения: распознавание и исследование разнообразных других. Жизненное пространство, каким оно предстает в произведениях А. Леопольда, имеет сходство с «жизненным миром» повседневности в интерпретации социальных феноменологов [7]. Это пространство, в котором можно жить, не сомневаясь в изначальном смысле происходящего, не опасаясь столкновения с принципиально чужим, угрожающим потрясением онтологических основ. Но в феноменологической традиции жизненный мир как сфера само собой разумеющихся значений противопоставляется миру теоретических интересов, генерирующих дополнительную рефлексивность в отношении «готовых» определений действительности. Теоретическая и естественная установки сознания взаимно исключают друг друга; находясь под влиянием естественной установки, формирующей повседневный стиль мышления, человек не проблематизирует окружающий мир, не пытается взглянуть на других участников социальных процессов взглядом вопрошающего наблюдателя.

В отличие от феноменологической школы А. Леопольд описывает мир, в котором познание представителей других биологических видов становится неотъемлемой частью повседневного существова-

ния человека, «охотой будущего» [4]. Можно предположить, что «естественной установкой» в данном случае будет эвристический настрой, побуждающий преодолевать готовые объяснительные схемы, задавать вопросы, сталкиваться с неизвестным, покидать привычную зону комфорта и изменяться под влиянием сделанных открытий.

Именно в произведениях А. Леопольда намечается экологическая критика упрощенной дифференциации природного разнообразия в терминах «полезных» и «бесполезных» других [8, с. 90], «опасных» и «безопасных» видов, «эстетически привлекательных» и «безобразных» представителей флоры и фауны. Поскольку подобные бинарные оппозиции — неотъемлемая часть повседневных классификаций, произведения А. Леопольда настраивают читателя на изменение рамок восприятия природы, освобождение от привычек обыденного мышления.

По мнению автора настоящей статьи, позиция человека, мыслящего экологически, является результатом своеобразного эпохэ — воздержания от ценностной интерпретации природных явлений, исходя из человеческих предпочтений. Заклучая в скобки предустановленные суждения об утилитарной значимости природных ресурсов, экологически мыслящий наблюдатель в своем восприятии био-разнообразия руководствуется интересами гипотетического творца, желающего дать место под солнцем всем своим творениям («пусть расцветают все цветы»), и вместе с тем — принципами справедливости, т. е. реабилитирует сферы жизни, подвергающиеся негации или стигматизации на уровне обыденных представлений, разделяет точку зрения тех, которым в человеческой культуре отказано в точке зрения. Например, вместо того, чтобы рассматривать волков в качестве угрозы существованию другим живым существам, А. Леопольд предлагает мыслить волков в контексте общего природного целого, к которому они принадлежат, «мыслить как гора», которая без волков становится жертвой возросшей популяции мирного биологического вида оленей, чье воздействие на окружающий ландшафт оказывается равносильным стихийному бедствию [4].

Опыт понимающего наблюдения, представленный в работах А. Леопольда, основан на способности познающего субъекта воспринимать представителей различных биологических видов в контексте присущих им «жизненных миров», порядков существования, каждый из которых характеризуется своим распределением времени, «методами хозяйствования», паттернами коммуникаций. Искусство видеть плюралистическую и в то же время упорядоченную реальность говорит о нежелании наблюдателя прибегать к унифицирующим объяснениям, его стремлении вникать в быт и «экономику животного мира», придавая им небытовое значение.

Вместе с тем взгляд эколога трансцендирует индивидуальное существование конкретных других, переходит от индивидов к сложным ансамблям взаимосвязанных биологических организмов, задается вопросом о роли, которую они играют или должны играть в «биологическом сообществе» [8, с. 52]. Жизненное пространство для экологического наблюдателя в этом смысле всегда больше, чем множество самобытных других; скорее, это множество других, которые не могут обойтись друг без друга, воплощают своим существованием необходимые связи, не очевидные на уровне чувственного восприятия: «Дуб, который кормит оленя, который кормит пуму, которая умирает под дубом и превращается в желуди для своей бывшей добычи. Это один из множества циклов питания, начинающихся с дубов и завершающихся ими же» [4].

В определенной степени понимающее наблюдение требует дистанции и функциональной интерпретации происходящего; помимо конкретных жизненных миров наблюдатель фокусируется на природе как системе соподчиненных элементов, «пирамиде жизни» [8, с. 54–56], где каждый индивид выполняет свою функцию, способствуя производству и циркуляции общей биологической энергии. В рамках холистического взгляда отдельные жизни и смерти оказываются необходимыми моментами развития большого целого. Тем не менее, общий наиндивидуальный план восприятия природы является одним из ракурсов видения и дополняется полевыми исследованиями, стремлением наблюдателя «вслушиваться» [9, 10], вчитываться в знаки присутствия другой жизни в контексте конкретных встреч, ситуаций, событий. Именно тенденция к точечной интерпретации формирует жизненный мир понимающего субъекта как систему отношений, в которой другие получают значение «своих».

Пространство «своего»: близкий другой и язык сочувствия. Как показывают исследования в области социальной феноменологии и, в частности, А. Шюца, другие индивиды воспринимаются в повседневной жизни с большей или меньшей степенью обобщения [7, с. 142]. Спектр отношений к другому варьируется от функционально-типического до личностного. В последнем случае типическое не исчезает, но видоизменяется, выражает морально-психологические характеристики субъекта. По мнению автора настоящей статьи, понимающий наблюдатель в лице А. Леопольда делает попытку выйти за пределы обобщенно-функциональных типизаций биологических видов, и обращается к языку сочувствия и соучастия [11], открывающему в других живых существах спутников, индивидуализирующих его собственное личностное пространство.

В феноменологическом смысле «спутники» (fellow-men) — те, чья жизнь разворачивается рядом с нашей в непосредственных ситу-

ациях взаимодействия, «лицом-к-лицу» [7, с. 118]. Отношение к другому как к «спутнику» означает участие в его жизненных проектах, внутреннем времени ожиданий и воспоминаний. В случае когда «спутником» становится представитель другого биологического вида, наблюдение за его поведением в естественном окружении оказывается аналогичным участием в его жизни, а точнее, в присутствии только ему ритме существования: «Однажды я улегся ничком возле жилища ондатры и зарылся в грязь. Пока моя одежда впитывала местный колорит, мои глаза впитывали жизнь болота» [4].

Стремление познать других в привычной для них среде, без привлечения отвлеченных категорий и не влияя на изучаемую ситуацию самим фактом наблюдения, сближает позицию А. Леопольда с позицией социального антрополога, изучающего дописьменные общества. Несмотря на существенные различия, обе позиции нацелены на включенное/участвующее наблюдение [12, р. 251], освоение новых ракурсов видения, а также корректировку изначальной системы ценностных координат с учетом интересов представителей изучаемых жизненных миров. Так же как и социальный антрополог, экологический наблюдатель стремится стать «своим» среди других, прожить определенный отрезок времени вне естественной установки сознания (отвлекаясь от своих повседневных практик), хотя при этом он действует как автономный субъект, самостоятельно идентифицируя смысловые границы общего мира и степень своего участия в нем.

Подобно социальному антропологу, экологический наблюдатель превращается в апологета наблюдаемых миров, отстаивая их ценность и право на самобытное существование. Однако в отличие от антрополога, имеющего дело с иными культурами, существующими вдали от технологически развитых цивилизаций, эколог обращает внимание на другие биологические виды, которые исторически всегда были рядом с человеком как часть каждодневной рутины, но при этом мыслились по ту сторону культуры (либо как *священные* животные и растения, либо как *всего лишь* животные и растения, предназначенные для удовлетворения человеческих потребностей).

Утверждая ценность неутилитарного понимания представителей других видов, эколог нарушает границы, утвержденные привычкой и культурной традицией в отношении разумных и неразумных существ, возможной и невозможной коммуникации. Доступный для включенного наблюдения биологический другой воспринимается в терминах горизонтальных отношений как близкий, дружественный, созвучный разумной и осмысленной жизни.

Фактически, описание другого, который совершает обход своей территории, справляется с неурядицами, «резвится», «предается безделью», «подтверждает свой титул на землю, полученный от индей-

цев» [4], сопровождается мысленным конструированием своего мира. В данном случае это происходит в результате использования соответствующего языка описания [13, р. 44], в котором проявляется доброжелательное расположение, симпатизирующий взгляд исследователя-человека, открывающего в любом сегменте пространства других существ, достойных наблюдения. И хотя в наблюдаемом мире нет общей реальности, основанной на взаимной согласованности установок сознания участников взаимодействий (феноменологической интерсубъективности), понимающий наблюдатель учитывает разные перспективы, многочисленные биологические связи, выстраивает в сознании образ биологического сообщества, т. е. ориентируется на умозрительную интерсубъективность.

Акт понимания со стороны наблюдателя подразумевает своеобразную солидаризацию и сближение с другими, что находит отражение в языке соседско-родственных отношений. «Мой скунс», «наши гуси», олени, синицы и т. д. придают жизненному пространству характер дома, делают его компактным, осмысленным, открытым для доверительного общения вне властных или собственнических мотивов.

В пространстве значимых и близких других, так же как и в «религиозном универсуме» (П. Бергер, Т. Лукман), нет ничего лишнего или бессмысленного; нет пустоты или бесполезно прожитой жизни (любая пустошь, болото, кусты наполнены деловитой активностью, имеющей смысл для наблюдателя). Любое конечное существование влечет за собой продолжение, встраивается в систему взаимообмена и поддержки, апеллирующих к человеческому чувству разумного и «великодушного» миропорядка, в котором не существует окончательного предела жизни: «Поленья от расколотого молнией дуба догорают в камине, рассыпаясь алыми углями по белой золе. Зола эту, когда наступит весна, я верну земле в яблоневом саду у подножия песчаного холма. И она вновь возвратится ко мне, то ли как румяные яблоки, то ли в неумной энергии какой-нибудь жирной октябрьской белки, которая, сама не зная почему, упорно сажает и сажает желуди» [4].

В подобном мире невозможно быть одиноким, заброшенным, обездоленным, оставленным один на один «с молчанием бесконечных пространств» (Б. Паскаль). Конкретные другие актуализируют в экологическом сознании мир, соизмеримый со структурой человеческого переживания, личностно значимый и морально обоснованный. Однако формирование подобной картины мира представляется невозможным без движения мысли, нацеленной на преодоление расстояний и дистанций, трансценденцию разобщенного существования.

Мысленное обращение к другим, спасающим от одиночества и способствующим вдумчивому уединению, показывает волю к смыслу, свойственную наблюдателю, выстраивающему метафизические

связи и обнаруживающему возможности взаимодействия, неочевидные на уровне объектного восприятия окружающего: «Зимой я черпаю у моих сосен нечто более важное, чем сведения о политике леса... Мои сосны стоят стройными рядами, прямые, как штыки, не смотря на бремя снега, и в сумраке я ощущаю невидимое присутствие еще сотен и сотен рядов. В такие минуты я чувствую, как в меня вливается мужество» [4].

Жизненное пространство в пограничной ситуации и экологическое восприятие времени. Жизненный мир в интерпретации феноменологов отличается упорядоченностью и постоянством, существует в режиме повторения. Именно благодаря подобной устойчивости в «естественной установке сознания» формируются идеализации, связанные с доверием к привычным действиям в хорошо знакомой среде («И так далее» и «Я могу это снова») [7, с. 324]. Жизненное пространство человека, заинтересованного в бытии природных спутников, также производит впечатление устойчивого континуума, где времена года циклично сменяют друг друга, а естественные условия существования остаются неизменными в пределах человеческой жизни. Каковы бы ни были темпы социальных изменений, в «Календаре песчаного графства» эти изменения неочевидны: сосны «стоят стройными рядами» под снегом, дуб наращивает древесину, журавли возвращаются на болота, мертвые деревья становятся домом для живых животных, хвоя попадает в перегной почвы и т. д. и т. п. Постоянство природы может быть противопоставлено непостоянству социальной среды, скорости научно-технического прогресса.

Вместе с тем взгляд экологического наблюдателя фиксирует стремительное сокращение жизненного пространства, системные нарушения в значимом мире под влиянием человеческого фактора. Как замечает А. Леопольд, то, что вчера было прерией, простирающейся за горизонт, становится «лоскутом дикой природы» в несколько акров, то, что вчера было стремительной стаей диких голубей — сегодня представлено только лишь как экспонат в музее истории. Горы, леса, реки, болота, служащие убежищем и местом обитания для разнообразных организмов, незаметно пустеют, становятся *просто* горами, лесами, реками, болотами, лишенными «движущей энергии» жизни [4].

В определенной степени жизненное пространство, схватываемое экологическим взглядом, проникнуто ностальгическими чувствами, связанными с сожалением о невозвратном прошлом. Но одновременно это сожаление о настоящем, в котором человек все больше и больше включается в систему механизированного общества, технологически управляемую среду, вытесняющую все, что не согласуется с ее логикой, не оставляющую простора для мысли, взгляда, «формирования характера» [14, р. 874].

Позиция экологического наблюдателя имеет сходство с позицией экзистенциального субъекта, который находится в пограничной ситуации между жизнью и смертью, сталкивается с реальной и близкой возможностью небытия, не завуалированного спасительными мифологемами или теориями. Для эколога «небытие» — следствие деструктивного воздействия общества на биосферу, широкомасштабное уничтожение инфраструктуры жизни, которую нельзя создать заново или заменить тем или иным артефактом. На месте уничтоженного остается пустота в онтологическом и ценностном смыслах этого слова.

Так же как и экзистенциальный субъект, эколог визуализирует и доводит до логического конца возможные угрозы сознанию и самосознанию человека, разумной слаженности всего существующего в природе. Для эколога одной из таких угроз является опрощение сложного мира в результате его включения в систему производства/потребления социальных благ, превращение в аттракцион для человека-потребителя, гипертрофия «своего» (если перефразировать известное выражение Ж.-П. Сартра, в этом случае адом будут не другие, а «свои», не желающие замечать других). Эколог сталкивается с небытием в виде отчужденной природы, «израненного мира» [4], а также в виде человеческой индифферентности, способствующей подобному отчуждению.

Одновременно реальная и приближающаяся возможность небытия становится поводом к безотлагательным действиям, мобилизации внутренних ресурсов на защиту общего жизненного пространства. В ситуации, когда, по словам экзистенциальных авторов, «земля уходит из-под ног» (М. Хайдеггер) или когда земля «обезличивается» («природа — это личность земли» [4]), что равносильно потере основ, — наблюдатель превращается в экосубъекта, который действует, осознавая дефицит времени и свою ответственность перед другими.

Экосубъект действует в мире осмысленных и глубоко переживаемых связей с природными спутниками, уязвимыми и невечными, здесь и сейчас, пытаясь запечатлеть в памяти ситуации «лицом-к-лицу», когда лицо другого приобретает непреходящую значимость. Это время остановившегося мгновения, непосредственного восприятия другого живого существа, обладающего предельной степенью очевидности.

«Воспринимаю другого, следовательно, существую», — подобная направленность сознания определяет позицию понимающего наблюдателя в ситуации сокращения жизненного пространства. Возможно, это одна из причин особенного отношения А. Леопольда к другим, обнаружение которых он часто приравнивает к ключевым событиям, знаменующим кульминационные моменты человеческого существования. Так, исследователь пишет о встрече с диким гусем: «Я видел

его, слышал, как ветер свистел в его крыльях, когда он с гоготом возник из серости западного неба, и я ощутил его с такой полнотой, что и сейчас еще испытываю восторг при одном воспоминании» [4].

Вместе с тем экосубъект живет не только в событийном потоке настоящего, но и в большом времени эволюции, включая в поле своего видения время вековых деревьев, историю гор, болот, биологических видов, напоминающих человеку о кратковременности его существования, встроенном в величественную «пирамиду жизни». Именно обращение к этой масштабной перспективе вырабатывает чувство времени как такового, независимого от времени человеческих желаний, учит видеть человеческую историю в контексте общей картины мира [14, р. 871], чувствовать «протяженность тысячелетий, лежащую в основе будничных дел» всех живых существ, включая человека [4].

Чувство человеческого превосходства элиминируется в процессе экологической рефлексии, сочетающей заботу о настоящем с вниманием к прошлому и будущему, а прагматическую направленность мысли, нацеленную на сохранение качества человеческого бытия, с уважительным отношением к бытию других.

Мир экологического субъекта отличается от разумного пространства утопии или гипертопии (где человек мог бы испытывать исключительно положительные эмоции). Сопрягая различные перспективы наблюдения, экосубъект существует в пограничном пространстве между цивилизацией и природой, между прошлым и будущим, вне-историческим настоящим и историей, увиденной с позиции природного целого. Быть с другими в контексте экологического видения означает жить с осознанием границ, дефицитов и возможных пределов жизни, очевидных именно на территории пограничья, благодаря мысли, выявляющей иллюзии беспредельного роста и материального изобилия.

Быть с другими также означает быть *другим* среди себе подобных, — ищущим «настоящее», изначальное, не модифицированное человеком, но отсылающее к единству судеб человека и природы, к многоплановому миру связей и отношений, обретающему оплот в человеческой памяти: «Важно то, что мы делили безлюдье дикой природы с самой дикой из ныне живущих птиц. Мы и они [журавли — *примеч. С.Р.*] делили общий приют в самой уединенной крепости пространства и времени, вернувшись в плейстоцен. Если бы мы умели, то непременно ответили бы им трубным приветом. И теперь я через долгую вереницу лет все еще вижу, как они кружат в вышине» [4].

Таким образом, позиция А. Леопольда свидетельствует о том, что экологическое понимание природы (высвечивающее ключевые взаимосвязи между различными компонентами биосферы) может быть мотивировано не только потребностями выживания и долговремен-

ного использования имеющихся ресурсов, но и стремлением субъекта к обретению «своего» мира: упорядоченного, понятного, обозримого и в то же время плюралистического, живого, не сводимого к общему знаменателю отвлеченных идей. Взгляд человека понимающего, открывая разнообразие биологических существ, достойных познания/понимания, одновременно конституирует их бытие как значимое, близкое, отвечающее человеческим представлениям о разумной действительности.

Модель наблюдателя в работах А. Леопольда, репрезентируя субъекта герменевтической деятельности [15], отсылает к активной жизненной позиции, связанной с критическим отношением к поверхностному «прочтению» природных явлений, а также к существованию, лишенному смыслообразующего воздействия другой жизни. Во многом данная позиция определяется экзистенциальным опытом переживания коллизий между подлинным и неподлинным существованием. Понимающий наблюдатель вскрывает болевые точки в отношениях человека и природы, противостоит общим тенденциям не замечать кризисные явления и дефициты, прежде всего, дефицит жизненного пространства и времени.

Однако в экологическом видении А. Леопольда присутствует также стиль мышления, свойственный эпохе постмодерна, а именно интенция избегать одной единственно правильной позиции или стратегии наблюдения («любого центризма» [5, с. 14]), принимать во внимание различные системы значений и группы интересов (человека и человечества, конкретных других и биологического сообщества) ради поддержания смысловых и объективно существующих связей между человеком и природой. Понимающий наблюдатель противостоит унифицирующим тенденциям объяснения естественной среды обитания, подчеркивая эвристическую сложность природного мира, а также ценность различных жизненных миров, неутилитарная интерпретация которых (или склонность к такой интерпретации с соответствующим выбором языка описания) свидетельствует об уважении к жизни в целом.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Экологическая парадигма в общественном сознании: становление и развитие», № гранта 18-013-00488.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гречко П.К., Курмелева Е.М., ред. *Социальное: структурные профили и современные вызовы*. Москва, РОССПЭН, 2009, 440 с.
- [2] Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Фалько Вл.И. Экология внешней и внутренней среды социоприродной системы (обзор международной научной конференции). *Вопросы философии*, 2019, вып. 5, с. 210–214.

- [3] Flader S.L. A Biographical Study of Aldo Leopold: Thinking like a Mountain. *Forest History*, 1973, vol. 17, no. 1, pp. 14–28.
- [4] Леопольд О. *Календарь песчаного графства*. URL: https://royallib.com/book/leopold_aldo/hroniki_peschanogo_grafstva.html (дата обращения 30.07.2018).
- [5] Кишкин Н.В., Нехамкин В.А. Понятие «экоцентризм»: научно-философское содержание. *Гуманитарный вестник*, 2017, вып. 8. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-8-459>
- [6] Ровинская Т.Л. Американский инвайронментализм как политическая идеология. *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, т. 61, № 7, с. 64–72.
- [7] Шюц А. *Смысловая структура повседневного мира*. Москва, Ин-т фонда «Общественное мнение», 2003, 336 с.
- [8] *Экологическая антология. Экологические произведения Западных авторов*. Москва; Бостон, Golubka, 1992, 270 с.
- [9] Willard B.E. Rhetorical Landscapes as Epistemic: Revisiting Aldo Leopold's a Sand County Almanac. *Environmental Communication*, 2007, vol. 1, no. 2, pp. 218–235.
- [10] Рыбалка Е.А. Экологическое пространство личности: онтологические и ценностные основания. *Гуманитарные и социально-экономические науки*, 2008, № 6, с. 57–63.
- [11] Рудановская С.В., Черняк А.З. Сочувствие природе в контексте этического и экологического мышления. *Ценности и смыслы*, 2018, № 6, с. 143–156.
- [12] Kohler R.E. Paul Errington, Aldo Leopold and Wildlife Ecology: Residential Science. *Historical Studies in the Natural Sciences*, 2011, vol. 41, no. 2, pp. 216–254.
- [13] Fromm H. Aldo Leopold: Aesthetic “Anthropocentrist”. *Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*, 1993, vol. 1, no. 1, pp. 43–49.
- [14] Cannavò P.F. Ecological citizenship, time and corruption: Aldo Leopold's green republicanism. *Environmental Politics*, 2012, vol. 21, no. 6, pp. 864–881.
- [15] Hinchman L.P. Aldo Leopold's Hermeneutics of Nature. *The Review of Politics*, 1995, vol. 57, no. 2, pp. 225–249.

Статья поступила в редакцию 19.11.2019

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Рудановская С.В. Быть с другими: экологическое видение жизненного пространства в работах А. Леопольда. *Гуманитарный вестник*, 2019, вып. 6. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2019-6-631>

Рудановская Светлана Валерьевна — канд. филос. наук, доцент кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов.
e-mail: rudsv@live.ru

Being with others: ecological vision of life space in A. Leopold's works

© S.V. Rudanovskaya

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Moscow, 117198, Russia

The paper introduces a philosophical interpretation of A. Leopold's works devoted to his personal observations of natural environment under industrial civilization. The study aims at revealing the particularities and implicit assumptions of A. Leopold's ecological position by using existential and phenomenological concepts, i.e. "life world", "attitude towards others", "fellow beings" and "limit situation". The paper demonstrates that the American researcher's position, his attitude towards various forms of biological beings, is determined by the existential search for authentic existence, as well as by a strategy of dealing with other life worlds within the insight into pluralistic reality.

Keywords: *abstraction from nature, life world, life space, attitude to nature, existential experience, ecological beholder, eco-subject, language of sympathy*

REFERENCES

- [1] Grechko P.K., Kurmeleva E.M., eds. *Socialnoe: strukturnye profili i sovremennye vyzovy* [The social: structural profiles and contemporary challenges]. Moscow, ROSSPEN, 2009, 440 p.
- [2] Ivlev V.Yu., Ivleva M.L., Falko V.I. *Voprosy filosofii — Russian Studies Philosophy*, 2019, no. 5, pp. 210–214.
- [3] Flader S.L. A Biographical Study of Aldo Leopold: Thinking like a Mountain. *Forest History*, 1973, vol. 17, no. 1, pp. 14–28.
- [4] Leopold A. *A sand county almanac and sketches here and there*. Oxford University Press, 1949, 240 p. [In Russ: Leopold O. *Kalendar peschanogo grafstva*. Moscow, Mir Publ., 1983, 248 p.]. Available at: https://royallib.com/book/leopold_aldo/hroniki_peschanogo_grafstva.html (accesses July 30, 2018).
- [5] Kishkin N.V., Nekhamkin V.A. *Gumanitarny vestnik — Humanities Bulletin of BMSTU*, 2017, no. 8. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-8-459>
- [6] Rovinskaya T.L. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya — World Economy and International Relations*, 2017, vol. 61, no. 7, pp. 64–72.
- [7] Shyuts A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira* [Semantic structure of everyday world]. Moscow, FOM Institute Publ., 2003, 336 p.
- [8] *Ekologicheskaya antologiya. Ekologicheskie proizvedeniya Zapadnykh avtorov* [Ecological anthology. Ecological works of Western authors]. Moscow, Boston, Golubka Publ., 1992, 270 p.
- [9] Willard B.E. Rhetorical Landscapes as Epistemic: Revisiting Aldo Leopold's a Sand County Almanac. *Environmental Communication*, 2007, vol. 1, no. 2, pp. 218–235.
- [10] Rybalka E.A. *Gumanitarnye i sotsialno-ekonomicheskie nauki — Humane, Social and Economic Sciences*, 2008, no. 6, pp. 57–63.
- [11] Rudanovskaya S.V., Chernyak A.Z. *Tsennosti i smysly (Values and meanings)*, 2018, no. 6, pp. 143–156.

- [12] Kohler R.E. Paul Errington, Aldo Leopold and Wildlife Ecology: Residential Science. *Historical Studies in the Natural Sciences*, 2011, vol. 41, no. 2, pp. 216–254.
- [13] Fromm H. Aldo Leopold: Aesthetic “Anthropocentrist”. *Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*, 1993, vol. 1, no. 1, pp. 43–49.
- [14] Cannavò P.F. Ecological citizenship, time and corruption: Aldo Leopold’s green republicanism. *Environmental Politics*, 2012, vol. 21, no. 6, pp. 864–881.
- [15] Hinchman L.P. Aldo Leopold’s Hermeneutics of Nature. *The Review of Politics*, 1995, vol. 57, no. 2, pp. 225–249.

Rudanovskaya S.V., Cand. Sc. (Philos.), Assoc. Professor, Department of Social Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN) University. e-mail: rudsv@live.ru